

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2\(32\).188558](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2(32).188558)

УДК 340.12:[340.14 + 340.153] +177.5 *Сергей Шевцов*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ КАК ФЕНОМЕН ПРАВА

В статье выдвинута мысль о возможности рассматривать сам по себе город как особый правовой феномен. В основе лежит антропологическое определение города и понимание права через правосознание. Обоснование включает два момента. Во-первых, город представляет собой принципиально новый тип социальных связей, не родовой и племенной. Соединение вместе чужих по рождению и роду людей требует развития норм взаимодействия, в основе которых лежит признание другого (чужого) равным себе. Во-вторых, источником рождения городского права выступает организация городской территории, посредством выстраивания горизонтального и вертикального измерений для поселения. Оба момента оказываются возможны для ранних этапов развития человеческого общества благодаря переосмыслению (универсализации) религии. Город оказывается своего рода «перекрестком» фрагментов старых правовых систем, и на их основе возникает принципиально новая форма осмысления гражданином города собственного социального бытия, своего статуса в бытии. Городское право предстает как форма выражения нового самосознания гражданина и его иного понимания своего места и функции в универсуме.

Ключевые слова: правосознание, город, урбанизация, гражданин, право, норма, социальная общность, коммуна, иерархия, антропология.

Пройти мимо изучения современного города нет возможности – наверное, ни в одном из смыслов. Экономические, политические или культурные его срезы запечатлены в монографиях, сборниках статей, научных конференциях, Интернет-сайтах и электронных публикациях. Урбанизация стала не просто приметой нашего времени, она, без преувеличения, определяет его. Даже изменение климата на планете приписывают прежде всего городам. Города не просто участвуют в политических событиях, они все чаще сами оказываются ими, утверждают себя в качестве международных деятелей. И тем не менее ученые отмечают недостаток внимания к городу как субъекту права со стороны юристов [Aust 2015: 256], что не может не удивлять, если учесть мощность потока направленных на них исследований. Надо признать, что юридическая сторона, которая интересует нас, по-прежнему остается одной из самых загадочных, и может показаться, что постоянно растущее количество

исследований только выносит на поверхность все новые и новые проблемы.

Город как предмет изучения заинтересовал исследователей прежде всего городским правом: оно стало предметом изучения еще в XVIII веке, а с начала следующего вокруг проблемы его происхождения и этапов развития развернулись серьезные дискуссии [Белов фон 1912: ix]. XX век ознаменовался сменой методологических установок и активным обращением к стремительно развивающейся археологии. И тем не менее мы все еще далеки от того, чтобы прояснить город как юридический феномен. Историки права, задаваясь вопросами о формировании правосознания бюргерства, обращались главным образом к политическим трактатам и повествовательным хроникам¹. Юристы, справедливо усматривающие свое призвание в следовании строгому канону, отдают предпочтение позитивному праву, исследуя системы его нормативных положений в их параллелях, сплетениях, пересечениях и полифонии. Диалог между этими подходами оказывается затруднен по причине различия как исходных предпосылок и фундаментальных категорий, так и самих исследуемых понятий.

Сам город (а не его жители или определенный социальный слой горожан) как субъект права все еще остается непривычным предметом для юридического подхода. Не вызывает сомнения, что историки права проделали огромную работу по анализу и изучению городских систем права. Но город предстал в их работах почти исключительно как материнская стихия для рождения городского права. Знаменитая «История римского права» В. Кункеля, своего рода подведение итогов многовекового исследования римского права, начинается с главы «Город-государство как отправная точка римских правовых изменений» [Kunkel, Schermaier 2005 [1948]: §1], но далее повествование идет исключительно о правовых нормах, не о самом городе. Немецкие историки права с девятнадцатого сосредоточили пристальное внимание на немецких средневековых городах, но их интересовало прежде всего городское право в его истоках и трансформациях. Теории К. Эйхгорна, В. Арнольда, К. Нитча, К. Гегеля, Р. Зома, Г. фон Белова и многих других конструировали пути возникновения и развития городского права, исходя из господствующей в тот период однолинейной установки восходящего развития и единства источника. Эти черты присущи исследователям других стран – французам (Ж. Мишле, Ф. Гизо, О. Тьерри и др.), итальянцам, англичанам. Ф. У. Мейтленд посвятил городу и городскому праву особое исследование [Maitland 1898], а в его знаменитой «Истории английского права до Эдуарда I», написанной совместно с Ф. Поллаком, есть раздел о городах [Maitland, Pollock 1899: b. 2, ch. 3]. Даже замечательная работа А. Пиренна [Пиренн 1937], в которой

автор уделяет пристальное внимание развитию права, все еще может быть отнесена к старой парадигме, хотя во многом уже ломает ее рамки. Множественные истории отдельных городов и общие истории возникновения городских поселений также часто обращаются к городскому праву, как и исследования по отдельным системам городского права, например, Магдебурскому, Любекскому, Гамбургскому и т.д. Но сам по себе город, а не городское право, редко становился предметом исследования как правовой феномен. Даже в блестящей работе Макса Вебера «Город» [Вебер 1994 (1921)]², с полным основанием считающейся классической, эта сторона оказывается практически не затронутой. Позже к изучению города обращались многие выдающиеся ученые – Г. Чайлд, Л. Мамфорд, В. Кристаллер, Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт и многие другие, их работы наглядно продемонстрировали, что рассмотрение города в полной мере возможно только при задействовании самых различных дисциплин и многоуровневого рассмотрения различных аспектов возникновения и развития такого сложного феномена. Показательно, к примеру, что для современной урбанистики при обращении к начальным этапам возникновения городов характерно живое обсуждение не только засвидетельствованных документов, свидетельств и артефактов, но и таких общих вопросов как почему люди вообще объединяются для сотрудничества в сложные группы? каков институциональный механизм подобного объединения? возникает ли при этом неизбежно иерархия принятия решений? (См.: [Jennings, Earle 2016; Marcus, Sabloff 2008; Birch 2013]).

Данная статья не претендует на раскрытие города как правового феномена в целом, автор стремится лишь поставить вопрос о рассмотрении самого возникновения городов с точки зрения формирования не столько правовых норм, сколько правового мышления. В силу того, что правовое мышление остается все еще малоисследованным и трудным для рассмотрения предметом, а кроме того, существенно различается в различных культурах, мы ограничимся здесь только общим начертанием контуров данной проблемы, сосредоточив свое внимание на средневековых городах Европы, но предполагая в дальнейшем применить полученные выводы к городам Киевской Руси.

Прежде всего нужно определиться с основными понятиями. Правосознание мы будем понимать как осознание собственной природы (в рассматриваемый период – прежде всего как полученной от Бога) через условия и механизмы реализации этой природы в социуме. Иначе говоря, что именно и каким образом должен делать человек в отношении других, чтобы оставаться верным замыслу своего Творца. В этом случае право предстает как условие(я) реализации внутренней природы человека (его

сущности), что можно понимать одновременно и как обязанность, и как свободу поступать тем или иным образом, быть так-то и так-то [Шевцов 2014: 361].

В этом смысле заявленная тема означает, что возникновение городов неизбежно должно было каким-то образом изменить представление людей (и не только жителей города) о собственной природе и своих обязанностях в отношении самих себя и других.

Что касается определения города, то здесь мы находим огромное разнообразие определений [см.: Manzanilla 1997], построенных на различных основаниях. Это разнообразие во многом определяется позицией исследователя и его исходными предпосылками. Например, по мнению англичанина Т. Дж. Корнелла, опирающегося на археологический подход, началом Рима можно считать появление мостовой на главной городской площади – Форуме [Cornell 2003: 96]. Города возникали различным образом: как крепости для размещения гарнизона (сторонником «гарнизонной» теории возникновения городов был Ф. У. Мейтленд [Maitland 1909]), как рынки, как административные и/или судебные центры. М. Вебер утверждал, вопреки традиции предшествующего века, что у города нет одного начала, но, как правило, несколько одновременно – город является результатом сложных перекрещивающихся процессов – экономических, социальных и военно-политических; он сразу выступает в виде сложного комплекса явлений [Вебер 1994 (1921): 665]. Единственными чертами, присущими всем городам при их возникновении, признает М. Вебер, были замкнутость населения, административная функция и разделение его жителей на сословия [Вебер 1994 (1921): 309, 323, 401]. Вслед за другими исследователями мы будем ориентироваться на известное определение Луиса Вирта, предложенное им в его статье 1938 года «Урбанизм как способ жизни» [Wirth 1938]. Он определяет город как постоянное поселение с большой численностью (1) при высокой плотности населения (2) и высокой гетерогенностью социальных ролей жителей (3) [Wirth 1938: 3–8].

Это определение создает методологическую трудность в том смысле, что почти не затрагивает плоскость правовых отношений, но, если мы дадим городу определение с точки зрения права, мы сразу предпримем собственный поиск. Таким образом, на данном этапе достаточно будет сказать, что города представляют собой достаточно большие замкнутые поселения, имеющие сложный социальный состав. К этому для начального этапа возникновения нужно добавить черты, не являющиеся отличительными для города (что хорошо показано М. Вебером), но почти неизменно присущие ему: это поселения, удовлетворяющие свои нужды

на внутреннем рынке и, как правило, обладающие защитными укреплениями [Вебер 1994 (1921): 310–314]. Такое определение не проводит решительного разграничения между городом и сельским поселением (ойкосом или поселком), но позволяет выделить объект исследования.

Современный эволюционный подход к созданию типологии городов опирается прежде всего на исторические и этнографические исследования в данной области, поэтому даже древний город предстает как новый шаг общности по сравнению с сельскими поселениями [Feinman, Marcus 1998; Marcus, Sabloff 2008; Jennings, Earle 2016]. Уже в силу такого противопоставления город рассматривается как новый шаг к «цивилизации» и по сути отождествляется с государством. Развитие городов со временем характеризуется как достигающее «критического порога (critical threshold)» [Flannery 1972: 423], «Большого Взрыва (Big Bang)» [Pauketat 2007: 146] или «фазового перехода (phase transition)» [Yoffee 2005: 230] к «цивилизации» (в данном контексте отождествляемой с государством). Только относительно недавно этому подходу был брошен прямой вызов в статье известных антропологов Дж. Дженнингса и Т. Эрла [Jennings, Earle 2016], которые на двух конкретных примерах показали проблематичность такой связи. Первый их пример рассматривал доисторический город Тиуанако на Андском нагорье (современная Боливия), где государство (с тем же названием, но авторы пишут их различно – «Tiahuanaco» для города и «Tiwanaku» для государства) возникло примерно триста лет спустя после того как в этом поселении появились монументальные строения, свидетельствующие о формировании города³; второй пример носит обратный характер – государство на Гавайях возникает при полном отсутствии городов или даже их подобия.

Данные авторы придерживаются своего рода «народнического»⁴ подхода к возникновению городов, согласно которому города созданы народом, трудящимися людьми. «Те, кто собрались вместе, чтобы сформировать первые города, были в основном фермерами, скотоводами и рыбаками. Они, скорее всего, больше склонялись к созданию кооперативных, взаимовыгодных структур строительства в новых условиях, которые сводили к минимуму центральную власть и возникающую стратификацию – две особенности, обычно связанные с государствами» [Jennings, Earle 2016: 475].

Независимо от того, принимаем ли мы выводы этих исследователей или нет, в силу устоявшейся традиции связывать города с государством, а государство с правом, нам следует привести также определение для государства, чтобы избежать разночтений и несогласованности. Наиболее удобным в данном случае (помимо того, что оно замечательно во многих

отношениях) представляется определение Г. Классена: «...государство – это независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений в сложном, стратифицированном обществе, занимающем определенную территорию и состоящем из двух базовых страт – правителей (rulers) и управляемых (ruled), отношения между которыми характеризуются политическим господством (dominance) первых и налоговыми обязательствами (tax obligations) вторых, легитимизованные разделяемой, по крайней мере, частью общества идеологией, в основе которой лежит принцип реципрокности⁵» [Classen 1996: 1255].

Это определение, как нетрудно заметить, во многом близко определению города Л. Вирта. По сути, в нем отсутствует пункт (2) (высокая плотность населения) и добавлен пункт о легитимизации существующих между стратами отношений идеологией. Можно признать, что именно второй пункт определения Вирта является решающим для различия, так как, когда речь идет об античных полисах и городах средневековых, почти не вызывает сомнения наличие для его граждан некоей идеологии или ее подобия.

Несмотря на то, что, в отличие от античных полисов, средневековые города не всегда были городами-государствами (подобно итальянским коммуна), они во многих отношениях были близки к ним. Формирование особого городского права только подкрепляет это сходство.

Но в данном случае эта близость определений не является для нас методологическим препятствием, так как речь будет идти о возникновении городов, то есть процессе обретения поселением обозначенных в определении качеств. Поскольку нас интересует правовой план, предметом нашего внимания оказывается последний пункт: в определении Вирта – гетерогенность социальных ролей жителей, а в определении Классена – наличие страт, распределение между ними функций и легитимизация этого распределения идеологией. Это тем более важно, что государство часто выступает или рассматривается как синоним права; даже для нашего определения, далеко отстоящего от традиционных определений права, тем не менее эта близость сохраняется, так речь в нем идет о деятельности как о некоторой функции. Таким образом, предметом данного рассмотрения выступает формирование функций страт городского поселения и осознания ими этих функций как собственного бытийного (и тем самым правового) статуса. Право, таким образом, не что иное как условия реализации своей бытийной функции в качестве некоего полномочия [Шевцов 2014: 361].

Наш тезис будет обоснован, если нам удастся показать, что возникновение нового типа поселения (города) неизбежно ведет к изменению представления человека (его жителя) о своем месте в системе

бытия или своем бытийном статусе. Это может быть выявлено только в том случае, если мы обнаружим, что город означает новый тип социальных связей, который обусловлен в свою очередь особым представлением человека о своей сущности (как системы прав и полномочий, определяющих его деятельность). На самом деле, не просто сказать, что здесь является следствием чего – новое самосознание порождает новый тип связей или наоборот, скорее все же они складываются одновременно и взаимоформируют друг на друга (что кажется более вероятным). В данном случае достаточно будет зафиксировать формирование нового типа социальных отношений как неотъемлемое свойство городского поселения (при условии, что мы в данном случае говорим прежде всего о городах средневековой Европы – города Азии, Африки и Латинской Америки требуют особого рассмотрения).

Так как исторический план проблематичен в том смысле, что требует классификации городов, учитывающей цели и обстоятельства их создания [Jankuhn, Schlesinger, Steueret 1973–1974; Сванидзе 1999], исходные условия их возникновения и этапы формирования, причем эта классификация должна также включать и уже существующие города, к тому же подобная классификация может быть построена только на тщательном рассмотрении имеющихся документов и свидетельств, что превосходит возможности отдельной статьи, здесь мы ограничимся лишь общей моделью, тем, что М. Вебер называл «идеальным типом», а конкретные примеры будем использовать в качестве иллюстрации, но никак не доказательства. Именно разнородность исторического материала, на наш взгляд, воспрепятствовала Веберу построить целостную типологию городского хозяйства и вынудила его ограничиться лишь типологической моделью.

Теперь можно перейти непосредственно к модели возникновения города. На раннем этапе (иногда его называют пред-городом) поселение еще не обладало каким-то особым правом, отличающимся от системы права той местности, в котором оно расположено [Рогачевский 1996: 16 ff.]. И все же сам факт его возникновения уже влечет за собой эту возможность, что обусловлено по крайней мере двумя моментами. Первый из них – тот очевидный факт, что город возникал как место совместного жительства ранее не связанных по месту проживания людей. Архаичное сообщество жилось на родовых и племенных связях, и оказавшийся вне своего рода (например, изгой) практически терял статус человека [Шевцов 2014: 213–224]. Средневековое общество представляло собой куда более сложное сплетение межличностных связей при безусловном сохранении родственных и племенных традиций, но общая тенденция развития вела к приоритету вассальных связей над родственными.⁶ Ситуация оказывалась

неоднородной: в традиционных сельских поселениях продолжали господствовать родо-племенные связи, вместе с тем для знати вассальные отношения постепенно выходили на первый план. Города представляли собой новый тип общности, создать который исключительно рациональными земными средствами в тот момент едва ли было возможно. Город вообще понимался как общность, община – от Тита Ливия и Августина до Оттона Фрейзингенского⁷ – состоящая прежде всего из несвязанных родовыми узлами людей. Основой нового сообщества выступали клятва и межличностные связи, идеологическим гарантом верности которых выступала, несомненно, вера и только после нее – общность интересов. В данном случае для нас важно, что средневековые города возникали не просто для удовлетворения тех или иных экономических, хозяйственных или военно-политических нужд, они представляли собой новый тип единства, основанного на праве. Западный город, говорит М. Вебер, представлял собой братство, скрепленное клятвой [Вебер 1994 (1921): 340].

Все же остается не вполне ясным, каковы механизмы, объединяющие людей в большие группы со сложной структурой. Исследования этой проблемы отмечены различием исходных предпосылок и направленности поиска (см., например: [Blanton, Fargher 2008; Boyd, Richerson 2009; Carballo 2013; Turchin, Currie, Turner, Gavrillets 2013; Vaughn, Eerkens, Katner 2010]). Можно считать почти установленным, что возникновение групп равных по своему статусу семей относится к эпохе плейстоцена и такое равенство обеспечивало сотрудничество, одновременно препятствуя приобретению одной из семей особого статуса [Hardin 1968; также см.: Boehm 1993; Ostrom 1990; Wiessner 1996; Wiessner 2009]. Внимание исследователей сосредоточилось в этом отношении на возникновении социальной стратификации, приведшей затем к формированию государственных образований. Еще в начале 60-х гг. Э. Сервис предложил ряд промежуточных стадий между акефальным социумом и государством – локально-групповое сообщество (band), племя (tribe), вождество (chiefdom) и государство (state) [Service 1962]. Эта типология была подвергнута тщательному рассмотрению и претерпела множество изменений (сам Э. Сервис под воздействием критики М. Фрида [Freid 1967] исключил племя из своей типологии [Service 1975]). Р. Карнейро справедливо отметил, что вождество следует рассматривать не как переходный этап от эгалитарного сообщества к бюрократическому государству, а как ключевой шаг в эволюции социума, уже содержащий в себе все основные начала государства [Carneiro 1981: 38]. 90-е гг. прошлого века были отмечены многочисленными дискуссиями о природе вождества: часть исследователей придерживались мнения Э.

Сервиса (восходящего еще к М. Веберу) о важности харизматического начала власти бигменов, другие исследователи видели основу возвышения вождя в его экономическом (имущественном) могуществе [Earle 1991: 1]. Ни одной из сторон не удалось найти неопровержимые аргументы, и в итоге значительная часть антропологов в последующие десятилетия вообще отказались от такой схемы стадийного развития. За всеми этими спорами о социальной эволюции и ее стадиях, более прочные и традиционные эгалитарные, групповые структурные отношения оказались вне зоны пристального внимания, даже для времени переходных эпох [Jennings, Earle, 2016: 474].

Следует также учитывать, что любая подобная общая типология должна быть модифицирована в конкретных случаях с учетом тех или иных кризисных явлений или военных действий. В этих случаях роль вождя (лидера) резко возрастает и, как правило, неизбежно ведет к изменению родственно-ранговой реципрокности до уровня редистрибуции [Салинз 1999; Sahlins 2008]. Тем не менее, устойчивые эгалитарные групповые отношения при этом не исчезают полностью, но продолжают в значительной мере служить основанием также и для возникающих новых видов социальных отношений.

Возвращаясь к модели города, можно не сомневаться, что горожане на первых этапах придерживались правовых обычаев тех мест, откуда они были родом. Нам следует, таким образом выделить две разновидности городов: основное население которых составляло местное население (примером может служить город древлян Искоростень до его уничтожения княгиней Ольгой), и города, население которых складывалось из различных пришлых групп (вероятно, к таким городам может быть отнесен Киев). Также можно выделить случаи синойклизма, объединения нескольких первичных, иногда даже разноплеменных общин в один город (примером чему служит Новгород). Но даже с учетом различия этих подвидов, следует признать, что гражданам города едва ли удавалось сохранить эти традиционные правовые отношения в неизменном виде. Здесь примером может служить знаменитое Магдебургское право, представлявшее собою сложный конгломерат норм, различных по происхождению (к сожалению, уровень современных исследований все еще не позволяет говорить о Новгородском или Киевском праве). В отношении способов приобретения прав собственности и некоторых правил судебного процесса Магдебургское право включало ряд достаточно архаичных обычаев саксонского земельного права, в отношении правил организации ремесла и торговли ему был присущ оригинальный характер, политическое же устройство города во многом определялось привилегиями, полученными горожанами от императоров и

архиепископов Магдебургских [Рогачевский 1996: 17–18]. Уже на одном этом примере видно, что если большинство населения на начальной фазе и следовало «Саксонскому зеркалу», точнее, местному саксонскому праву (Магдебург известен с начала IX века, а «Саксонское зеркало» составлено шеффеном Эйке фон Репковым в 1221–1225 гг. как свод правовых норм Саксонии), то существующая система саксонских правовых норм не могла удовлетворить чисто городские потребности Магдебурга.

Магдебург при своем возникновении объединил, судя по этому свидетельству, главным образом жителей окрестных земель, и все же его гражданам пришлось вносить существенные изменения в систему правовых отношений. Это еще в большей мере относится к городам, жителями которых оказывались уроженцы разных земель или племенных образований, такие города должны были представлять собой поначалу конгломерат осколков совершенно различных правовых систем (вернее, систем обычного права)⁸. Человек той эпохи уже рождался с определенным социальным статусом – либо знатным, либо свободным, либо несвободным и зависимым; общественные связи, в которые он вступал, сохраняли свой природный, органический характер – это связи родовые, племенные, семейные, отношения родства или свойства [Гуревич 1999: 135]. «Элемент волеизъявления в формировании социальных групп и систем связи здесь отсутствует или минимален... Принадлежность к социальному разряду или слою определяет поведение индивида. Все стороны его жизни регламентированы, заранее известно, как он должен поступить в той или иной ситуации, – выбора почти не существует» [Гуревич 1999: 136].

Люди из разных мест, не связанные кровным родством, принадлежащие как к одной имущественной и правовой категориям, так и к различным, объединялись в большую общность – это факт естественный или парадоксальный? Если их поведение действительно было столь регламентировано и определено принадлежностью к социальной группе, как оказывается возможен феномен возникновения города, новой общности, новой формы поведения? Если их объединение было вызвано политическими и экономическими условиями, на чем они могли строить межличностные отношения, необходимые для совместного существования и достижения общей цели? Единственная возможность – явное или латентное правовое соглашение, признающее другого, ранее чужого, своим: равным или функционально связанным. При этом каждый входил в новую общность с собственной прежней системой права (вероятнее всего, обычного), с представлениями о себе, соответствующим его прошлому статусу.

Но городская жизнь и социальные отношения города выходили за рамки тех норм, которые предполагало обычное право сельского жителя. То, что можно сохранить, использовать, переносится в новые условия – право землевладения, торговое право, рыночное право и т. д., но и они требовали развития в новых условиях, а кроме того, ряд видов специфически городской деятельности вообще не мог регламентироваться старым правом. Вместе с тем город требовал единства для обеспечения своей безопасности. Таким образом, города оказывались своего рода «правовыми перекрестками» или «правовыми мозаиками», где несколько правовых систем накладывались одна на другую и неизбежно вели к формированию своей особой правовой системы (или принятием уже готовой городской с локальными модификациями⁹). «Город, – пишет современная исследовательница, – как бы собирает на своем правовом поле все возможные, существующие к этому времени виды права... эта способность к впитыванию разнородного материала, обусловленная гетерогенным характером самого города как целостного организма, и сплавлению его в городское право и была отличительной и определяющей чертой правотворчества в городе» [Варьяш 2000: 237–238].

Горожанин (понятийное содержание этого термина складывается постепенно с обретением городским правом своего формального воплощения¹⁰), по сути, это тот, кто владеет в городе землей, имеет свое занятие-функцию и занимает определенное место на городской стене или в городском ополчении. Все три момента в значительной мере определялись не индивидуально, а вхождением в ту или иную городскую корпорацию (по мере их возникновения и развития). Сюда же необходимо добавить религию, единство веры (не в строгом смысле) было обязательным условием средневекового города. Все перечисленные пункты, кроме участия в городском ополчении, могли быть отнесены и к жителю деревни, так как крестьяне не принимали участия в военных действиях как организованная группа (крестьянские восстания в данном случае не могут рассматриваться, так как они, не будучи постоянными, не затрагивали правовой статус, скорее, являлись следствием нарушения уже существующего в рамках обычного права). Но было бы преждевременным сделать вывод, что именно место в ополчении формировало городского жителя и сам город. Скорее, следует говорить о комплексном соединении всех трех (плюс вера) составляющих. Только их соединение вместе наделяли город присущими ему чертами уникальности как социального образования.

Создание новой общности, как и выработка правовых норм было невозможно без единства веры. Происходила своего рода «универсализация» религии. Общность не могла обходиться без ритуалов,

а они требовали единства религиозного мировосприятия. Даже в античности при политеизме каждый город имел своих особых богов-покровителей (который мог носить одно имя с каким-то богом олимпийского пантеона, рассматривался как тождественный, но все же чем-то отличался). Слушателей Гомера не смущало, что в цитадели Трои стояла статуя Афины как защитницы и покровительницы города, в то время как сама богиня активно помогала осаждавшим Трои данайцам. В средневековье в ситуации единобожия эту функцию выполняли святые и особые обряды поклонения¹¹. Это, как мы знаем, не отменяло возможности сосуществования в городе с иноверцами – достаточно вспомнить существование ариан в Константинополе, евреев в испанских городах и такой особый случай как сосуществование католиков, православных, иудеев и мусульман в городах Сицилии¹², – но, во-первых, это никогда не рассматривалась как нормальное положение дел, во-вторых, обычно складывалось на достаточно позднем этапе существования города, когда прочность общины уже сложилась, наконец, в-третьих, служило вечным источником конфликтов: каждый раз при политических или экономических кризисах их причину усматривали в факте наличия в городе иноверцев. На начальном этапе такое сосуществование оказывалось возможным только при равенстве сил и наличии существенно превосходящего по мощи противника горожан. Можно не сомневаться, что, к примеру, голландцы пустили в свои города иудеев-беженцев из Испании только в силу своего неприятия Испании и осуществляемой ею политики.

Вторым моментом организации городов, связанным с правом, была организация территории поселения. «Город складывается как антипод сельской округи. Это укрепленный островок, убежище перед лицом опасности безграничных пространств, открывавшихся за стенами города и враждебных ему» [Гусарова 1999: 142]. Город – не просто компактное поселение (с высокой плотностью населения), это определенным образом организованное пространство земли. Любой город является ориентированным пространством в том смысле, что разделен на зоны, каждая из которых имеет особую структуру (см., напр.: [Гусарова 1999]). Стены и башни, мосты и каналы, собор и общественные здания, улицы и площади задавали направления и систему ориентации. Эту же функцию выполняли и некоторые общественные места: рынки, лавки, бордели, места наказаний (позорные столбы, плахи, виселицы), места сборов, кладбища, колодцы и т. п. Некоторые из них были неразрывно связаны с ритуальными действиями и не мыслились иначе. Город не был и не мог быть однородным: его районы существенно различались, по сути, город как целое объединял несколько совершенно различных районов. Его пространство уплотнялось

и растягивалось, сакрализовалось и «снижалось», и это различие районов определенным образом соответствовало различиям в статусах его обитателей. «...В средневековом городе царит хаос узких и кривых улочек и переулков, тупиков, беспорядочно разбросанных зданий. Но в этой бессистемности просматривается внутренняя логика: различные социальные, профессиональные, этно-конфессиональные группы населения концентрировались вокруг своих центров и на своей территории (бург, епископская резиденция, гетто, специализированный рынок и т.д.), защищая свои права и свободы внутри города. Бессистемность и индивидуализм в застройке соседствовали с правилами и предписаниями, строго ограничивавшими и регулировавшими частную инициативу. В результате город образовывал единый организм...» [Гусарова 1999: 144].

В том факте, что гражданином города мог стать лишь тот, кто владел участком земли в городе, видели преемственность с вотчиной и сельским поселением [Белов фон 1912: 110 ff.; Варьяш 2000: 249]. Все же плотность городских построек обусловлена не только стремлением разместить как можно больше строений внутри городских стен. Городские дома должны были демонстрировать имущественное и статусное положение владельца: дома более состоятельных людей, вероятно, представляли собой уменьшенные подобию усадеб или даже комплекса из нескольких усадеб [Янин 1998: 140, 199 f.; Янин 2013: 28], люди среднего достатка владели полноценными домами, но с небольшой внутренней территорией или совсем без нее, бедняки жили в лачугах или даже бараках. Стены домов средних жителей и бедняков должны были образовывать улицу без всякой ограды. Не только из-за дефицита земли, но и в целях безопасности все эти строения, разделенные по зонам, должны были тесно примыкать друг к другу, создавая совершенно особые условия: человек оказывался в своего рода лабиринте, едва свернув с магистральных улиц (также ориентированных, в большинстве случаев – на соборную площадь). Так расположены усадьбы в древнем Новгороде [Янин 1998: 200–202; Янин 2013: 10], так стоят дома в Помпеях и Геркулануме (а это дачные, курортные города для зажиточных людей).

В сельской усадьбе и крестьянском жилище пределы отмечены оградой, окружающей дом. Вся огороженная территория рассматривалась как внутренняя часть дома, и сама ограда также оставалась его неотъемлемой частью. У этого факта было правовое измерение. Согласно скандинавским сборникам Законы Фростатинга и Законы Гулатинга, правовое нарушение, произошедшее внутри ограды, рассматривается как имевшее место внутри дома и оценивается намного строже (обычно вдвое), чем произошедшее снаружи [Frostathings 1846: 142, 143; Gulathings 1846: 242]. Для сельских

усадеб внутренней частью усадьбы считалась и прилегающая к ограждению территории (расстояние брошенного плуга) [Gulathings 1846: 145]. Единицей права, таким образом, в деревне должна была считаться семья, и принадлежащая ей земля (при всей условности этих понятий для обычного права, далеко не так тщательно разработанного, как нормы скандинавского законодательства). В городе это частично сохранялось (например, в отношении усадеб знатных и богатых), но одновременно вырабатывались нормы владения для тех, у кого был только свой дом или его часть.

При той тесноте и плотности строений, которая была характерна для города, и несмотря на иррегулярность и произвольность застройки, не приходится сомневаться в ее функциональности. Американский архитектор и теоретик градостроительства Э. А. Гуткинг¹³ охарактеризовал этот тип застройки средневекового города как «шедевр функциональности» [Gutkind 1964–1974: vol. 5 (1970): 52], поскольку строители города проявили себя как реалисты, «адаптировав улицы к сложностям роста города» [Ibid.].

Из-за тесноты в городе понятие собственности должно было обостряться, а вторжение на чужую территорию преследоваться еще более сурово¹⁴. Но должен был измениться и сам характер понимания территории и территориальной собственности – прежнее могло сохраняться только для богатых усадеб (что вероятнее всего имело место, если судить по некоторым из новгородских берестяных грамот [Янин 1998]).

Несомненно, плотность расположения строений – стена к стене – должна была порождать особую систему отношений между соседями. Наряду с правовым статусом внутреннего двора, неизбежно должен был сформироваться правовой статус улицы, квартала (в Новгороде, например, некоторые бояре владели несколькими примыкающими друг к другу усадьбами, практически кварталами [Янин 1998: 200]; кроме того, улицы в городах ради безопасности иногда запирались на ночь, то есть имели ворота), но прежде всего – каждого дома¹⁵. Дома представляли обособленную единицу («Почти каждый дом имел свое “лицо”: герб над входом, скульптурную фигурку святого, рыцаря, Девы Марии, льва и др. (...) Домам давались названия: “Белый олень” “Черная лошадь”, “Три лебедя” и т.п.» [Гусарова, 1999: 160]), в определенном смысле дом представлял одно целое с его владельцем. Внешний вид дома должен был свидетельствовать о занятии хозяином и о его состоянии, еще точнее – о его статусе в божественном мироздании. Город, в отличие от замка или деревни, был местом демонстративным, местом демонстрации своего статуса, своего места в бытии.

Любое строение организует пространство – от шалаша до собора, так же как это способны делать элементы ландшафта – горы, лес, берег реки и т.

д. Но сами по себе сооружения, как и элементы ландшафта, организуют только одно измерение пространства, которое можно назвать «горизонтальным» – в той или иной степени параллельное земной поверхности. Любое сообщество людей предполагает некоторые отношения между индивидами, следовательно, включает в себя элементы правовых отношений на основе осмысления своего статуса. Гетерогенность социальных ролей жителей [Wirth 1938: 8] необходимо должна была получать свое выражение не только в поведении, как это уже было отмечено, но и в одежде, в оформлении жилищ и т. д. На раннем этапе, при самом образовании города, это различие оставалось еще небольшим, но оно должно было хорошо читаться для опытного глаза. Сама такая демонстрация выводит организацию пространства за пределы одной лишь «горизонтальной» в сферу вертикальной иерархии. Право неразрывно связано с деятельностью людей, его «горизонталь» организуют сообщество равных по статусу, система «вертикалей» устанавливает иерархию среди не равных по своему статусу слоев¹⁶.

Вертикальная организация пространства предполагает выстраивание системы отношений между человеком и иными силами – космическими, божественными, над- и под-земными. Устойчивость этой картины находит свое подтверждение в типологическом единстве архаических представлений о мире у разных народов и культур, даже не связанных между собою. Достигая определенного уровня развития, человеческое общество встраивает себя и свои элементы в картину мира природных сил – превосходящих человека и уступающих ему. Модель мирового дерева, одушевленных природных сил, богов, живущих на горе, – все они, как правило, помещают наиболее сильных и могущественных персонажей где-либо наверху, а низшие и стихийные силы – либо внизу, либо на периферии человеческого мира. Гомеровская модель богов, живущих на Олимпе, с высокой долей вероятности заимствована из традиции, восходящей к шумерам¹⁷, и из того же источника, вероятно, образ пророка, восходящего на гору для общения с богом. Но это представление о превосходящих человека силах, живущих вне «горизонтальной» человеческого мира, свойственно многим народам [Буае 2018: гл. 2]. И все же следует, наверное, добавить, что «вертикаль» в данном случае не более чем метафора. Точнее было бы говорить о повседневном и всегда доступном человеку пространстве (социальная иерархия) и пространстве особом, доступном лишь при определенных условиях, но воспринимаемом как реальное (иногда даже характеризующееся как более реальное единственно реальное¹⁸).

Организация пространства «по вертикали» для средневекового города превращалась прежде всего в усвоение и отстаивание своих прав-функций в божественном мироздании, что означало, во-первых, регламентированную внутреннюю стратификацию внутри города, а во-вторых, установление четких связей с иными элементами социума – крестьянами окрестных поселений, приезжими купцами, епископом, сеньорами, королевской или императорской властью, самим императором или королем, наконец, небесными силами – святыми, ангелами и самим Богом. Не случайно в средневековой Европе получило такое распространение строительство готических соборов: собор наглядно демонстрировал ту вертикальную ось, на которой размещался город и его жители [Богодарова 2000; Гуревич 1999: 43 ff.].

В этом плане организация пространства по вертикали и горизонтали уже сама по себе была пронизана правом. Право заменяло родовые и племенные связи и право позволяло создать единство граждан, без которого городская жизнь была невозможной – ни в военной (оборонительной) сфере, ни в экономической (торговой, рыночной), ни в финансовой, ни в политической. И – едва ли не самое важное – в религиозной. Протестантизм, в котором М. Вебер видит материнское лоно капитализма, родился именно в городах, и именно города служили его укрепленными форпостами.

Само стремление Римского клира, Константинополя, князя Владимира Святославича, английского короля Генриха VIII или дома Габсбургов установить единство религии носило, как известно, не только характер административный или чисто религиозный, но еще и внутренне-политический, так как означало организацию пространства государства по единым основаниям и по сути означало превращение государства в единую общность-общину, подобную единому городу.

Таким образом, территория, религия и право оказывались нераздельно спаяны внутри городских стен, и касание одной из них неизбежно вело к изменениям других. Возникновение городского пространства означало одновременное возникновение и нового юридического пространства, и определенное время их развитие определяло друг друга. При этом нужно учитывать, что право следует в данном случае понимать не только как совокупность тех или иных грамот или уставов, но прежде всего как способ соотношения своей личности и своего статуса с божественным миропорядком.

Таким образом, города представляли как, во-первых, новый вид практической деятельности, во-вторых, новый тип социальных связей, и в-третьих, существенно иная форма присутствия в божественном мироустройстве. Универсальным выражением всех этих аспектов служило

право. В Западной Европе развитию городского права способствовали еще ряд обстоятельств – начавшаяся с XI века активная фаза противостояния папской и королевской (императорской) власти, в которую оказались включены города, а с XIII века – создание в городах университетов и юридических школ. Но города, как мы старались показать, и сами играли важную роль в развитии права и правового мышления.

Примечания

¹ Прекрасной иллюстрацией может служить неоднократно переиздававшаяся работа Ульриха Айсенхардта по истории немецкого права [Eisenhardt 1984].

² Эта работа была издана в 1921 году, а в 1922 включена во второй том большого исследования «Хозяйство и общество».

³ «Урбанизация началась в Тиуанако около 500 г. н.э., но первые явные свидетельства существования государства Тиуанако датируются после 800 г. н.э. В конечном счете, Тиуанако был регионально-организованной политией, состоящей из профессионального правящего класса, простого класса и высокоцентрализованного и внутренне специализированного правительства. Однако государство было создано через создание кооперативных, эгалитарных и кооперативных объединений на базе города, которые организовывали городскую жизнь в течение первых 300 лет поселения.» [Jennings, Earle 2016: 478].

⁴ См. об этом подходе в работе Н. Яковенко [Яковенко 2006: 12–13].

⁵ Реципрокность, реципрокация (от лат. *reciprocus* — возвращать назад, двигать взад и вперед), термин, введенный Б. Малиновским, означающий обмен материальными благами и услугами на эквивалентной основе между соплеменниками, членами социальной горизонтальной сети, который выступает как форма проявления существующих между ними взаимных обязательств.

⁶ «В знаменитой истории из англосаксонской хроники речь идет о членах одного рода, которых развела вендетта двух сеньоров, между которыми были поделены их оммажи, и эти родственники были вынуждены воевать друг с другом. Они смиренно приняли выпавшую на их долю участь: «Никто из близких не дорог нам так, как наш возлюбленный лорд», — говорят они. Важное признание. Вторит ему в середине XII века в уважающей законы Италии фраза из «Книги феодалов»: «Против всех должны помогать вассалы сеньору — против своих братьев, сыновей и отцов»» [Блок 2003: 228–229].

⁷ Одна из самых знаменитых средневековых хроник Оттона Фрейзингенского (*Otto Frisingensis*; ок. 1111/1114–1158) носит название «*Chronica sive Historia*

de duabus civitatibus», то есть «Хроника или История двух градов» с явной отсылкой к Августину, так как рассказывает преимущественно о борьбе империи с папой, но, с другой стороны, показательно, что империя понимается отчасти как город именно в период стремительного роста и усиления городов, о жителях которых, к слову сказать, автор отзывается исключительно негативно.

⁸ «В варварском обществе человек уже рождается с определенным правом, — он принадлежит либо к роду знатных, либо к роду рядовых свободных, либо к потомкам зависимых или несвободных и пользуется теми правами, которые присущи соответствующей социальной категории. Общественные связи имеют по преимуществу еще природный, органический характер. Это связи родовые, племенные, семейные, отношения родства и свойства. (...) Элемент волеизъявления в формировании социальных групп и систем связи здесь отсутствует или минимален... (...) Принадлежность к социальному разряду или слою определяет поведение индивида. Все стороны его жизни регламентированы, заранее известно, как он должен поступить в той или иной ситуации, — выбора почти не существует.» [Гуревич 1999: 135–136.]

⁹ Примером такого заимствования может служить Магдебургское право (*Magdeburger Recht*), получившее широкое распространение. Точное количество городов, принявших *Magdeburger Recht* в качестве основы управления, точно неизвестно, исследователи насчитывают во второй половине XIV века около четырехсот таких городов [Lieberwirth 1990: 24; Рогачевский 1996: 19]. Показательно, что почти в каждом случае есть свои отличия [Lieberwirth 1990: 23 ff.; *Gunczi* 2017].

¹⁰ «Долгое время городские хартии и статуты не знают специального термина для определения жителей города. Значительное число памятников обозначает своего адресата либо как *homines*, *incolas*, *populatoies*, *populus*, «мужчины и женщины» и т.д., либо описательно: «те, кто живет и будет жить в этом месте» и другими подобными выражениями.» [Варьяш 2000: 235].

¹¹ «Не только каждый город и каждый приход имел своего святого, но и у каждой ремесленной и купеческой гильдии, профессии, братства, госпиталя, школы и т.д. были свои заступники. Городу Ману покровительствовал св. Юлиан, Туру - св. Мартин, Венеции - св. Марк, Дубровнику - св. Власий, Толедо - св. Ильдефонс, Линкольну - св. Анна. Св. Христофор и св. Иаков охраняли путников. За школяров предстательствовал св. Николай (правда, этого святого своим покровителем считали многие). Галантерейщики поручали себя св. Екатерине, стекольщики - св. Кларе, парижская бойня - св. Иакову, плотники и каменщики - св. Людовику.» [Богодарова 2000: 199].

¹²Это действительно особый случай, их мирное сосуществование обеспечивалось только силой королевской власти, опиравшейся на разные группы и строго разграничивавшей их функции в политическом устройстве [Норвич 2005; Берман 1999: 383 ff.].

¹³Э. А. Гуткинд (1886 – 1968) родился и начал свою профессиональную деятельность в Германии, которую покинул в 1933 году, в США переехал в 1956. В данном случае термин «американский» использован лишь в силу того, что свое фундаментальное исследование [Gutkind 1964 – 1972] он подготовил и издал в США.

¹⁴«Жизнь в городе в силу естественных причин - скученности, концентрации разнородных интересов, акцентированных социальных различий, участия в политических событиях и т. д. - давала больше поводов для проявления насилия, в том числе и в форме преступления, чем жизнь деревенская. В случаях насилия, влекших за собой уголовные тяжбы, само наказание являлось своего рода разрешением и завершением конфликтов, учитывая то понимание правосудия, которое характерно для средневекового сознания: восстановление истины и справедливости имело своим необходимым элементом воздаяние за содеянное. Именно поэтому в течение длительного времени в городском праве в пенитенциарной системе присутствует принцип талиона, который лишь постепенно заменяется штрафами.» [Варьяш 2000: 251].

¹⁵«В средневековом традиционном городском строительстве в качестве основного элемента выступал дом, а не улица» [Гусарова 1999: 156].

¹⁶«Если первые городские хартии в идеале имели в виду все население города, то теперь часть его оказывается за рамками собственно городских правовых норм (т.е. и за рамками единого правосудия и справедливости, что несомненно раскалывало общность города в целом и, как мы знаем, было причиной многочисленных конфликтов). Таким образом, можно сказать, что территориальное право перерастает в сословное. Крайне важно, что городское право не знает полноправных и неполноправных горожан, а делит население города на горожан и негорожан.» [Варьяш 2000: 249–250].

¹⁷«...Азиатские истоки этого понятия (олимпийской семьи Гомера. – С. Ш.) фактически неоспоримы. Шумерские боги были задуманы именно таким образом - как Игиги, живущие вместе на божественной горе, связаны друг с другом под властью Энлиля (или Мардука в производном вавилонском пантеоне), управляя судьбами людей на земле, получая жертвы от них.» [Kirk 1990: 4]. См. также об этом: Буркерт 2004, гл. 3; J. V. Prichard 1969; Kirk 1998 [1970]: chs. 3 and 4; Smith 2010.

¹⁸Можно вспомнить платоновское *hyperouranios topos* (Phaed. 247c) и его характеристику как *ontos* (Phaed. 248b).

Список использованной литературы

- Белов, Г. фон (1912) *Городской строй и городская жизнь средневековой Германии*. Москва, 224 с.
- Берман, Г. Дж. (1999) *Вера и закон: примирение права и религии*, пер. с англ. Д. Шабельникова, М. Тименчика; ред. н. Малыхина. Москва: Ad Marginem, 432 с.
- Блок, М. (2003) *Феодальное общество*. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 304 с.
- Богодарова, Н. А. (2000) *Собор в средневековом городе*, в: *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 3. *Человек внутри городских стен. Формы общественных связей*. Москва: Наука, 378 с.
- Буайе, П. (2018) *Объясняя религию. Природа религиозного мышления*. Пер. с фр. М. Десятова. Москва: Альпина Паблишер, 496 с.
- Буркерт, В. (2004) *Греческая религия: Архаика и классика*. Пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. Санкт-Петербург, 584 с.
- Варьяш, О. И. (2000) *Городское право и право в городе как фактор единения / Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 3. *Человек внутри городских стен. Формы общественных связей*. Москва: Наука, сс. 232–253.
- Вебер, М. (1994[1921]) *Город*, в: *Вебер М. Избранное. Образ общества*. Москва: Юрист, сс. 309–446.
- Гуревич, А. Я. (1999) *Категории средневековой культуры*, в: *Гуревич А. Я. Избранные труды*. Т. 2. *Средневековый мир*. Москва, СПб.: Университетская книга, сс. 17–260.
- Гусарова, Т. П. (1999) *Город и ландшафт*, в: *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 1. *Феномен средневекового урбанизма*. Москва: Наука, сс. 140–160.
- Норвич, Д. (2005) *Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016–1130*, пер. с англ. А. А. Игоревского. Москва: Центрполиграф, 367 с.
- Пиренн, А. (1937) *Средневековые города Бельгии*. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 555 с.
- Рогачевский, А. Л. (1996) *Меч Роланда: Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв.* СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 156 с.
- Салинз, М. (1999) *Экономика каменного века*. Москва: ОГИ, 296 с.

- Сванидзе, А. А. (1999) *Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы*, в: *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. Москва: Наука, сс. 9–41.
- Шевцов, С. П. (2014) *Метаморфозы права. Право и правовая традиция*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 408 с.
- Яковенко, Н. (2006) *Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України*. Київ: Критика, 583 с.
- Янин, В. Л. (1998) *Я послал тебе бересту...* Москва: Школа «Языки русской культуры», 464 с.
- Янин, В. Л. (2013) *Очерки истории средневекового Новгорода*. Москва: Русский Миръ: Жизнь и мысль, 448 с.
- Aust, H. P. (2015) *Shining Cities on the Hill? The Global City, Climate Change, and International Law*, in: *The European Journal of International Law*. Vol. 26, № 1, pp. 255 – 278. Retrieved April 1, 2019, from: <http://www.ejil.org/pdfs/26/1/2570.pdf>
- Birch, J. (ed.) (2013) *From prehistoric villages to cities: settlement aggregation and community transformation*. New York: Routledge, 226 p.
- Blanton, R. E., Fargher, L. F. (2008) *Collective action in the formation of pre-modern states*. New York: Springer, 447 с.
- Boehm, C. (1993) *Egalitarian behaviour and reverse dominance hierarchy*. *Current Anthropology*, № 34(3), pp. 227–254.
- Boyd, R., Richerson, P. J. (2009) *Culture and the evolution of human cooperation*, in: *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, № 364(1533), pp. 3281–3288.
- Carballo, D. M. (2013) *Labor collectives and group cooperation in pre-Hispanic central Mexico*, in: *Cooperation and collective action: archaeological perspectives*. David M. Carballo, ed. Boulder: University of Colorado Press, pp. 243–274.
- Carneiro, R. (1981) *The Chieftdom as Precursor of the State*, in: *The Transition to Statehood in the New World*. N.Y.: Cambridge University Press, pp. 37–79.
- Classen, H. (1996) *State*, in: *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. N. Y., vol. IV, pp. 1253–1257.
- Cornell, T. J. (2003) *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC)*. L.; N.Y.: Routledge, 507 p.
- Earle, T. K. (1991) *Chieftdoms: Power, Economy, and Ideology*. N.Y.: Cambridge University Press, 356 p.
- Eisenhardt, U. (1984) *Deutsche Rechtsgeschichte*. München: C.H. Beck, 424 S.
- Feinman, G. M., and Marcus, J., (eds.). (1998) *Archaic states*. Santa Fe, NM: School of Advanced Research Press, 427 pp.

- Flannery, K. V. (1972) *The cultural evolution of civilizations*, in: *Annual Review of Ecology and Systematics*. No 3, pp. 399 – 426.
- Freid, M. H. (1967) *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. McGraw Hill Text, 270 p.
- [Frostathings 1846] *Den aeldre Frostathings – Lov*, in: *Norges gamle Love*. Bd. I. Christiania, 1846, SS. 119–258. Retrieved April 1, 2019, from: [https://heimskringla.no/wiki/Norges_gamle_Love_indtil_1387_\(F%C3%B6rste_bind\)](https://heimskringla.no/wiki/Norges_gamle_Love_indtil_1387_(F%C3%B6rste_bind))
- Gönczi, K. (2017) *Elemente der Magdeburger Stadtverfassung und ihr Transfer in die ostmitteleuropäische Rechtskultur*, in: *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska*. Sectio F, Historia, vol. LXXII, Lublin, S. 69–79.
- [Gulathings 1846] *Den aeldre Gulathings – Lov*, in: *Norges gamle Love*. Bd. I. Christiania, 1846, SS. 1–118. Retrieved April 1, 2019, from: [https://heimskringla.no/wiki/Norges_gamle_Love_indtil_1387_\(F%C3%B6rste_bind\)](https://heimskringla.no/wiki/Norges_gamle_Love_indtil_1387_(F%C3%B6rste_bind))
- Gutkind, E. A. (1964–1974) *International History of City Development*. N.Y., L., vol. 1–8.
- Hardin, G. (1968) *The tragedy of the commons*, in: *Science*, № 162(3859), pp. 1243–1248.
- Jankuhn, H., Schlesinger, W., Steueret, H. (Hg.) (1973–1974) *Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen in der Zeit vom 18. bis 24. April 1972*. Bd. 1–2. Göttingen.
- Jennings, J., Earle, T. (2016) *Urbanization, State Formation, and Cooperation: A Reappraisal*, in: *Current Anthropology*. Vol. 57, No 4, pp. 474–493.
- Kirk G. S. (1998 [1970]) *Myth: its Meaning and Functions*. University of California Press, 299 p.
- Kirk, G. S. (1990) *The Iliad: a commentary*. Gen. ed. G. S. Kirk. Vol. II: books 5–8. Ed. by G. S. Kirk. Cambridge University Press, 351 p.
- Kunkel, W., Schermaier, M. (2005 [1948]) *Römische Rechtsgeschichte*. 14. Aufl. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag. 335 S.
- Lieberwirth, R. (1990) *Das Privileg des Erzbischofs Wichmann und das Magdeburg Recht / Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften in Leipzig. Philologisch-historische Klasse*. Bd. 130. H. 3. Berlin, 28 S.
- Maitland, F. W. (1898) *Township and Borough: Being the Ford Lectures Delivered in the University of Oxford in the October Term of 1897*. Cambridge University Press, 220 p.

- Maitland, F. W., Pollock, F. (1899) *History of English Law before the Time of Edward I*. Cambridge University Press, 688 p.
- Manzanilla, L. R. (1997) *Early urban societies: challenges and perspectives*, in: *Emergence and change in early urban societies*. Linda Manzanilla, ed. New York: Plenum, pp. 3–39.
- Marcus, J., Sabloff, J. A. (2008) *One Introduction*, in: *Marcus J., Sabloff J. A. (eds.) The ancient city: new perspectives on urbanism in the Old and New World*. Santa Fe, NM: School for Advanced Research Press, pp. 1–26. Retrieved April 1, 2019, from: https://sarweb.org/wp-content/uploads/2017/07/sar_press_the_ancient_city.pdf
- Maitland, F. W. (1909) *The Constitutional History of England*. Cambridge University Press, 547 p.
- Ostrom, E. (1990) *Governing the commons: the evolution of institutions for collective action*. New York: Cambridge University Press, 298 p.
- Pauketat, T. R. (2007) *Chieftoms and other archaeological delusions*. Landham, MD: Altamira, 270 p.
- Prichard J. B., ed. (1969) *Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament*. 3rd ed., Princeton, 735 p.
- Sahlins, M. (2008) *The Western Illusion of Human Nature: With Reflections on the Long History of Hierarchy, Equality and the Sublimation of Anarchy in the West, and... on Other Conceptions of the Human Condition*. – Cambridge: Prickly Paradigm Press, 112 p.
- Service, E. R. (1962) *Primitive Social Organization; An Evolutionary Perspective*. Random House, 211 p.
- Service, R. E. (1975) *Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution*. W. W. Norton & Company, Inc., 388 p.
- Smith M. S. (2010) *God in translation: deities in cross-cultural discourse in the biblical world*. Eerdmans; Reissue edition, 416 p.
- Turchin, P., Currie, T. E., Turner, E. A. L., Gavrillets, S. (2013) *War, space, and the evolution of Old World complex societies*, in: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*, No 110(41), pp. 16384–16389.
- Vaughn, K. J., Eerkens, J. W., Katner, J., eds. (2010) *The evolution of leadership: transitions in decision making from small-scale to middle-range societies*. Santa Fe, NM: School of Advanced Research Press, 366 p.
- Wiessner, P. (1996) *Leveling the hunter: constraints on the status quest in foraging societies*, in: *Food and the status quest*. Polly Wiessner and Wulf Schiefenhovel, eds. Oxford: Berghahn, pp. 171–191.
- Wiessner, P. (2009) *The power of one? Big Men revisited*, in: *The evolution of leadership: transitions in decision making from small-scale to middle-range societies*. Kevin J. Vaughn, Jelmer W. Eerkens, and John Kantner, ed.

- Santa Fe, NM: School for Advanced Research Press, pp. 195–222.
- Wirth, L. (1938) *Urbanism As A Way of Life*, in: *American Journal of Sociology*, vol. 44, №. 1, pp. 1–24. Retrieved April 1, 2019, from: <http://www.sjsu.edu/people/saul.cohn/courses/city/s0/27681191Wirth.pdf>
- Yoffee, N. (2005) *Myths of the archaic state: evolution of the earliest cities, states, and civilizations*. New York: Cambridge University Press, 292 p.

Сергій Шевцов

ВИНИКНЕННЯ СЕРЕДНЬОВІЧНИХ МІСТ ЯК ФЕНОМЕН ПРАВА

У статті висунута ідея про можливість розглядати само по собі місто як особливий правовий феномен. В основі лежить антропологічне визначення міста та розуміння права через правосвідомість. Обґрунтування включає два моменти. По-перше, місто являє собою принципово новий тип соціальних зв'язків, відмінних від традиційних родових і племінних. З'єднання разом чужих по народженню і роду людей вимагає розвитку норм взаємодії, в основі яких лежить визнання іншого (чужого) рівним собі. По-друге, джерелом народження міського права виступає організація міської території, за допомогою вибудовування горизонтального і вертикального вимірювань для поселення. Обидва моменти виявляються можливі для ранніх етапів розвитку людського суспільства завдяки переосмисленню (універсалізації) релігії. Місто виявляється свого роду «перехрестям» фрагментів старих правових систем, і на їх основі виникає принципово нова форма осмислення громадянином міста власного соціального буття, свого статусу в бутті. Міське право постає як форма вираження нової самосвідомості громадянина і його іншого розуміння свого місця і функції в універсумі.

Ключові слова: правосвідомість, місто, урбанізація, громадянин, право, норма, соціальна спільність, комуна, ієрархія, антропологія.

Sergii Shevtsov

THE EMERGENCE OF MEDIEVAL CITIES AS A PHENOMENON OF LAW

The article puts forward the idea of the possibility to consider the city itself as a special legal phenomenon. The basis of this assumption is the anthropological definition of the city and the understanding of law through feeling of law. The rationale includes two points. Firstly, the city is a fundamentally new type of social connections, not lineal or tribal. The complex combination of people together who are strangers by gender and place of birth requires the development of some interaction standards, which are based on the recognition of another (alien) equal to oneself. Secondly, the source of the birth of city law is the organization of the city territory, by horizontal and

vertical dimensions for the settlement. Both points are possible for the early stages of the development of human society due to the rethinking (universalization) of religion. The city turns out to be a kind of “crossroads” of fragments of the old legal systems, and a fundamentally new form of citizen’s understanding of his own social being and his status in being arises on the basis. City law appears as a form of expression of a citizen’s new self-consciousness and his special understanding of his place and function in the universe.

Keywords: self-consciousness, feeling of law, urbanization, citizen, law, right, norm, legal consciousness, social community, commune, hierarchy, anthropology.

References

- Berman, G. J. (1999) *Vera i zakon: primirenje prava i religii* [Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition], per. s angl. D. Shabelnikova, M. Timenchika; red. n. Mal'khina. M.: Ad Marginem, 432 p.
- Blok, M. (2003) *Feodalnoe obshchestvo* [La societe feodale]. M.: Izd-vo im. Sabashnikov'kh, 304 p.
- Bogodanova, N. A. (2000) *Sobor v srednevekovom gorode* [Cathedral in a medieval city], in: *Gorod v srednevekovoj civilizacii Zapadnoj Evropy. T. 3. Chelovek vntri gorodskikh sten. Formy obshchestvennykh svyazey*. M.: Nauka, 378 p.
- Buaje, P. (2018) *Obyasnyaya religiyu. Priroda religioznogo myshleniya* [Et l'Homme Crea Les Dieux: Ńomment expliquer la religion]. Per. s fr. M. Desyatova. M.: Al'pina Pabliher, 496 p.
- Burkert, V. (2004) *Grecheskaya religiya: Arkhaika i klassika* [Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche]. Pervod s nem. M. Vitkovskoj i V. Vitkovskogo. Sankt-Peterburg, 584 p.
- Varyash, O. I. (2000) *Gorodskoe pravo i pravo v gorode kak faktor edineniya* [City law and law in the city as a factor of unity], in: *Gorod v srednevekovoj civilizacii Zapadnoj Evropy. T. 3. Chelovek vntri gorodskikh sten. Formy obshchestvennykh svyazey*. M.: Nauka, pp. 232 – 253.
- Veber, M. (1994[1921]) *Gorod* [Die Stadt], in: Veber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva*. M.: Yurist, pp. 309 – 446.
- Gurevich, A. Ya. (1999) *Kategorii srednevekovoj kultury* [Categories of medieval culture], in: Gurevich A. Ya. *Izbrannye trudy. Tom 2. Srednevekovyj mir*. M. SPb.: Universitetskaya kniga, pp. 17 – 260.
- Gusarova, T. P. (1999) *Gorod i landshaft* [City and landscape], in: *Gorod v srednevekovoj civilizacii Zapadnoj Evropy. T. 1. Fenomen srednevekovogo urbanizma*. M.: Nauka, pp. 140 – 160.
- Norvich, D. (2005) *Normandczy v Sicilii. Vtoroe normandskoe zavoevanie. 1016–1130* [The Normans in the south, 1016-1130] / Per. s angl. A. A. Igorevskogo. M.: Czentropoligraf, 367 p.
- Pirenn, A. (1937) *Srednevekoye goroda Belgii* [Histoire de Belgique]. M.: Gosudarstvennoe socialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 555 s.
- Rogachevskij, A. L. (1996) *Mech Rolanda: Pravovye vzglyady nemeczkikh gorozhan XIII–XVII vv.* [Rolands Sword: Legal Views of German Citizens of the 13th - 17th Centuries]. SPb.: Izdatelstvo S.-Peterburgskogo universiteta, 156 p.
- Salinz, M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. M.: OGI, 296 p.
- Svanidze, A. A. (1999) *Srednevekoye goroda Zapadnoj Evropy: nekotorye obshhie problemy* [Medieval cities of Western Europe: some common problems], in: *Gorod v srednevekovoj civilizacii Zapadnoj Evropy. T. 1. Fenomen srednevekovogo urbanizma*. M.: Nauka, pp. 9 – 41.
- fon Belov, G. (1912) *Gorodskoj stroj i gorodskaya zhizn srednevekovoj Germanii* [Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung]. M., 224 s.
- Shevtsov, S. P. (2014) *Metamorfozy prava. Pravo i pravovaya tradiciya* [Metamorphoses of law. Law and legal tradition]. M.: Izd. dom Vysšej shkoly ekonomiki, 408 p.
- Yakovenko, N. (2006) *Naris istorii serednovichnoyi ta rannomodernovoyi Ukraini* [An outline of the history of medieval and early modern Ukraine]. K.: Kritika, 583 p.
- Yanin, V. L. (1998) *Ya poslal tebe berestu...* [I sent you birch bark...] M.: Shkola «Yazyki russkoj kultury», 464 p.
- Yanin, V. L. (2013) *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the history of medieval Novgorod] / Izd. 2-e, pererab. I dop. M.: Russkij Mir: Zhizn i mysl, 448 p.
- Aust, H. P. (2015) *Shining Cities on the Hill? The Global City, Climate Change, and International Law*, in: *The European Journal of International Law*. Vol. 26, No. 1, pp. 255 – 278. Retrieved April 1, 2019, from: <http://www.ejil.org/pdfs/26/1/2570.pdf>
- Birch, J. (ed.) (2013) *From prehistoric villages to cities: settlement aggregation and community transformation*. New York: Routledge, 226 p.
- Blanton, R. E., Fargher, L. F. (2008) *Collective action in the formation of pre-modern states*. New York: Springer, 447 c.
- Boehm, C. (1993) *Egalitarian behaviour and reverse dominance hierarchy*. *Current Anthropology*, № 34(3), pp. 227–254.
- Boyd, R., Richerson, P. J. (2009) *Culture and the evolution of human cooperation*, in: *Philosophical Transactions of the Royal Society B:*

- Biological Sciences*, № 364(1533), pp. 3281–3288.
- Carballo, D. M. (2013) *Labor collectives and group cooperation in pre-Hispanic central Mexico*, in: *Cooperation and collective action: archaeological perspectives*. David M. Carballo, ed. Boulder: University of Colorado Press, pp. 243–274.
- Carneiro, R. (1981) *The Chiefdom as Precursor of the State*, in: *The Transition to Statehood in the New World*. N.Y.: Cambridge University Press, pp. 37–79.
- Classen, H. (1996) *State*, in: *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. N. Y., vol. IV, pp. 1253–1257.
- Cornell, T. J. (2003) *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC)*. L.; N.Y.: Routledge, 507 p.
- Earle, T. K. (1991) *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. N.Y.: Cambridge University Press, 356 p.
- Eisenhardt, U. (1984) *Deutsche Rechtsgeschichte*. München: C.H. Beck, 424 S.
- Feinman, G. M., and Marcus, J., (eds.). (1998) *Archaic states*. Santa Fe, NM: School of Advanced Research Press, 427 pp.
- Flannery, K. V. (1972) *The cultural evolution of civilizations*, in: *Annual Review of Ecology and Systematics*. No 3, pp. 399–426.
- Freid, M. H. (1967) *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. McGraw Hill Text, 270 p.
- [Frostathings 1846] *Den aeldre Frostathings – Lov*, in: *Norges gamle Love*. Bd. I. Christiania, 1846, SS. 119–258. Retrieved April 1, 2019, from: [https://heimskringla.no/wiki/Norges_gamle_Love_indtil_1387_\(F%C3%B6rste_bind\)](https://heimskringla.no/wiki/Norges_gamle_Love_indtil_1387_(F%C3%B6rste_bind))
- Gönczi, K. (2017) *Elemente der Magdeburger Stadtverfassung und ihr Transfer in die ostmitteleuropäische Rechtskultur*, in: *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska*. Sectio F, Historia, vol. LXXII, Lublin, S. 69–79.
- [Gulathings 1846] *Den aeldre Gulathings – Lov*, in: *Norges gamle Love*. Bd. I. Christiania, 1846, SS. 1–118. Retrieved April 1, 2019, from: [https://heimskringla.no/wiki/Norges_gamle_Love_indtil_1387_\(F%C3%B6rste_bind\)](https://heimskringla.no/wiki/Norges_gamle_Love_indtil_1387_(F%C3%B6rste_bind))
- Gutkind, E. A. (1964–1974) *International History of City Development*. N.Y., L., vol. 1–8.
- Hardin, G. (1968) *The tragedy of the commons*, in: *Science*, № 162(3859), pp. 1243–1248.
- Jankuhn, H., Schlesinger, W., Steueret, H. (Hg.) (1973–1974) *Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen in der Zeit vom 18. bis 24. April 1972*. Bd. 1–2. Göttingen.
- Jennings, J., Earle, T. (2016) *Urbanization, State Formation, and Cooperation:*

- A Reappraisal*, in: *Current Anthropology*. Vol. 57, No 4, pp. 474–493.
- Kirk G. S. (1998 [1970]) *Myth: its Meaning and Functions*. University of California Press, 299 p.
- Kirk, G. S. (1990) *The Iliad: a commentary*. Gen. ed. G. S. Kirk. Vol. II: books 5–8. Ed. by G. S. Kirk. Cambridge University Press, 351 p.
- Kunkel, W., Schermaier, M. (2005 [1948]) *Römische Rechtsgeschichte*. 14. Aufl. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag. 335 S.
- Lieberwirth, R. (1990) *Das Privileg des Erzbischofs Wichmann und das Magdeburg Recht / Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften in Leipzig. Philologisch-historische Klasse. Bd. 130. H. 3*. Berlin, 28 S.
- Maitland, F. W. (1898) *Township and Borough: Being the Ford Lectures Delivered in the University of Oxford in the October Term of 1897*. Cambridge University Press, 220 p.
- Maitland, F. W., Pollock, F. (1899) *History of English Law before the Time of Edward I*. Cambridge University Press, 688 p.
- Manzanilla, L. R. (1997) *Early urban societies: challenges and perspectives*, in: *Emergence and change in early urban societies*. Linda Manzanilla, ed. New York: Plenum, pp. 3–39.
- Marcus, J., Sabloff, J. A. (2008) *One Introduction*, in: *Marcus J., Sabloff J. A. (eds.) The ancient city: new perspectives on urbanism in the Old and New World*. Santa Fe, NM: School for Advanced Research Press, pp. 1–26. Retrieved April 1, 2019, from: https://sarweb.org/wp-content/uploads/2017/07/sar_press_the_ancient_city.pdf
- Maitland, F. W. (1909) *The Constitutional History of England*. Cambridge University Press, 547 p.
- Ostrom, E. (1990) *Governing the commons: the evolution of institutions for collective action*. New York: Cambridge University Press, 298 p.
- Pauketat, T. R. (2007) *Chiefdoms and other archaeological delusions*. Landham, MD: Altamira, 270 p.
- Prichard J. B., ed. (1969) *Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament*. 3rd ed., Princeton, 735 p.
- Sahlins, M. (2008) *The Western Illusion of Human Nature: With Reflections on the Long History of Hierarchy, Equality and the Sublimation of Anarchy in the West, and... on Other Conceptions of the Human Condition*. – Cambridge: Prickly Paradigm Press, 112 p.
- Service, E. R. (1962) *Primitive Social Organization; An Evolutionary Perspective*. Random House, 211 p.
- Service, R. E. (1975) *Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution*. W. W. Norton & Company, Inc., 388 p.

- Smith M. S. (2010) *God in translation: deities in cross-cultural discourse in the biblical world*. Eerdmans; Reissue edition, 416 p.
- Turchin, P., Currie, T. E., Turner, E. A. L., Gavrillets, S. (2013) *War, space, and the evolution of Old World complex societies*, in: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*, No 110(41), pp. 16384–16389.
- Vaughn, K. J., Erkens, J. W., Katner, J., eds. (2010) *The evolution of leadership: transitions in decision making from small-scale to middle-range societies*. Santa Fe, NM: School of Advanced Research Press, 366 p.
- Wiessner, P. (1996) *Leveling the hunter: constraints on the status quest in foraging societies*, in: *Food and the status quest*. Polly Wiessner and Wulf Schiefelhovel, eds. Oxford: Berghahn, pp. 171–191.

Стаття надійшла до редакції 13.04.2019
Стаття прийнята 13.05.2019

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2\(32\).188625](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2(32).188625)

UDC 130.2

Bülent Senay
PHILOSOPHY OF DIFFERENCE, HYPERMODERNITY,
AND THE CITY OF “HAPPINESS” IN AL-FARABI’S
“AL-MADINA AL-FADHILA”

The text describes the relationship between the three concepts – Philosophy of Difference, Hypermodernity, and the City of “Happiness”. Starting from the notion of city as space, the author considers how knowledge economy, information and virtual reality shape our perceptions of, and insights into, the meaning of life. Cities are spaces of “cultures” and culture in plural means difference. Identities are constructed within cultural boundaries. Processes of differentiation in constructing identities require a kind of philosophy of difference, as we live in a hypermodern urban space. It is spoken in detail about 21st century urban space as more and more multicultural, multiethnic and multireligious. In such an urban environment, identity constructions need a certain philosophy. This philosophy can only be a philosophy of difference. Difference and difference here points at the idea of living together with “others” who are different than us in culture, worldview and religion. The author comes to the conclusion that our biggest challenge in cities is to make our cities centres of wisdom and happiness through education and moral decision-making processes based on a philosophy of difference and reflexivity.

Keywords: *philosophy of difference, hypermodernity, the city of happiness, multicultural, multiethnic, multireligious.*

I would like to speak about the relationship between the three concepts that the title of this paper points at, namely, *Philosophy of Difference, Hypermodernity, and the City of “Happiness”*. I am aware of the fact that it is not an easy task at all, and goes beyond the borders of a paper presentation. In the context of the ‘*philosophical problems of information society, and cities in conditions of information society*’, this presentation is focused on ‘*City policy and the conditions of information society*’.

Starting from the notion of CITY as space, I would like to briefly look into how the speed of ‘*knowledge*’ and ‘*information*’ economy creates differences that require a strong philosophical positioning in dealing with the **uncertainties** and **risks** of the 21st century’s ‘*hypermodern*’ urban space. In doing so, I will use two philosophical reference points. I will start with contemporary French-Italian philosopher Paul Virilio’s ideas on the hypermodern city, which are also elaborated in his book *City of Panic* (Paul Virilio is the writer who coined